

СВЯТИТЕЛЬ
ИГНАТИЙ
БРЯНЧАНИНОВ

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

«Благовест»

2014

Святитель Игнатий (Брянчанинов) / «Благовест», 2014

Святитель Игнатий (Брянчанинов) является одним из самых почитаемых наставников в духовной жизни. Творения святителя Игнатия настолько многообразны, что его поучения и духовные советы актуальны для всех – и для мирян и для монахов. Данный сборник включает в себя жизнеописание святителя Игнатия и историю его почитания и прославления. Помимо этого, читателям предоставляется возможность посмотреть на святителя Игнатия глазами тех, кто знал его и оставил воспоминания об этой выдающейся личности. Еще одна важная часть сборника – это рассказ о трех обителях, непосредственно связанных со святителем Игнатием: Троице-Сергиевой пустыни, Николо-Бабаевском и Толгском монастырях. Также в сборнике представлены наставления святителя относительно разных вопросов христианской жизни и молитвы святому. Книга адресована широкому кругу православных читателей.

, 2014

© Благовест, 2014

Содержание

Предисловие	6
Житие святителя Игнатия	7
Род Брянчаниновых. Рождение будущего святителя	7
Детство в родительском доме	8
Учеба в Петербурге	10
Военная служба	13
Отставка. Начало послушничества	15
Скитания по обителям	17
Монашеский постриг	20
Служение в Вологодской епархии	22
Перевод в Сергиеву Пустынь	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

© Издательство «Благовест» – текст, оформление, оригинал-макет, 2014

* * *

Предисловие

В настоящее время святитель Игнатий (Брянчанинов) является одним из самых почитаемых наставников в духовной жизни. Творения святителя Игнатия настолько многообразны, что его поучения и духовные советы актуальны для всех – и для мирян, и для монахов.

Но не менее, чем его творения, поучительна и сама жизнь святителя Игнатия. Это история человека, стремящегося к Богу, несмотря на все препоны и соблазны, расставленные ему миром. Он прошел путь от монастырского послушника до настоятеля обители, а затем и архиеерея. Причем для своих подчиненных святитель Игнатий был не только администратором, но и духоносным старцем. Он продолжает оставаться таковым для всех тех, кто хоть как-то соприкасался с его творениями.

Данный сборник предназначен для широкого круга читателей. Он включает в себя достаточно полное жизнеописание святителя Игнатия, историю его почитания и прославления. Помимо этого читателям предоставляется возможность посмотреть на святителя Игнатия глазами тех, кто знал его и оставил воспоминания об этой выдающейся личности. Значение святителя Игнатия и его творений раскрывается в отзывах о нем священнослужителей и богословов, чьи суждения представлены в одном из приложений. Еще одна важная часть сборника – рассказ о трех обителях, непосредственно связанных со святителем Игнатием: Троице-Сергиевой пустыни, Николо-Бабаевском и Толгском монастырях. И, конечно, никакой рассказ о святителе Игнатии не был бы полным без обращения к его творениям. Поэтому в сборнике представлены мысли святителя относительно разных вопросов христианской жизни. Молитвенный раздел включает в себя акафист и молитвы святителю Игнатию.

Анна Маркова

Житие святителя Игнатия

Род Брянчаниновых. Рождение будущего святителя

Будущий святитель Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов) происходил из древнего дворянского рода. Родоначальником его считался боярин Михаил Бренко – оруженосец великого князя Дмитрия Донского.

Отец святителя, Александр Семенович Брянчанинов, паж времен императрицы Екатерины II и императора Павла Петровича, был предводителем дворянства в родном Грязовецком уезде Вологодской губернии, пользовался всеобщим уважением и слыл передовым образованным помещиком. Мать, Софья Афанасьевна Брянчанинова, была очень красивой светской женщиной. Она получила прекрасное воспитание – отлично владела русским и французским языками, увлекалась поэзией, особенно французской.

Поженившись достаточно рано по тем временам, супруги Брянчаниновы вскоре вынуждены были оставить столицу и переехать на постоянное жительство в родную Вологодскую губернию. Это произошло в связи с тем, что Александр Семенович унаследовал от отца поместье, обремененное долгами. Он вынужден был уйти в отставку и заняться хозяйством.

Александр Семенович оказался очень успешным помещиком, всего через несколько лет он не только очистил поместье от долгов, но и стал получать от него значительный доход, благодаря которому в своем селе Покровском Брянчанинов «создал маленький Версаль с замком-домом, царственным садом и изящной церковью». Но несмотря на все это великолепие и взаимное согласие, первые годы брака Брянчаниновых были омрачены сначала смертью новорожденных близнецов, а затем и долгой бездетностью.

Скорбя об этом, супруги Брянчаниновы обратились к Богу, предприняв паломничество по окрестным святым местам: Свято-Духовскому, Глушицкому, Лопотову, Прилуцкому монастырям. Бог услышал их молитвы, и 5 февраля 1807 года у них родился сын, в святом крещении названный Дмитрием – в честь преподобного Димитрия Прилуцкого, одного из самых почитаемых Вологодских святых. Впоследствии у супругов Брянчаниновых родилось еще шестнадцать детей, из которых выжили девять.

Детство в родительском доме

Детские годы, проведенные будущим святителем в родительском доме, нельзя назвать счастливыми. Как писал впоследствии он сам: «Детство мое было преисполнено скорбей. Здесь вижу руку Твою, Боже мой! Я не имел, кому открыть моего сердца: начал изливать его пред Богом моим, начал читать Евангелие и жития святых Твоих. Завеса, изредка проницаемая, лежала для меня на Евангелии; но Пимены Твои, Твои Сисои и Макарии производили на меня чудное впечатление. Мысль, часто парившая к Богу молитвой и чтением, начала мало-помалу приносить мир и спокойствие в душу мою. Когда я был пятнадцатилетним юношей, несказанная тишина возвеяла в уме и сердце моем. Но я не понимал ее, я полагал, что это обыкновенное состояние всех человеков».

В семье Брянчаниновых царил строгий, даже суровый строй жизни, регламентированный отцом, железной воле которого никто не смел прекословить. Дети настолько боялись отца, что в его присутствии не решались высказывать самые безобидные пожелания. Само проявление к детям любви считалось недостойной слабостью, розги не щадили ни старших, ни младших. За поведением детей тщательно наблюдали и каждый день докладывали Александру Семеновичу.

Особенно строго за мальчиками следил приставленный к ним дядька Доримедонт. Он любил своих баричей, но из чувства справедливости и честности всегда докладывал хозяину о любом проступке детей. Единственным человеком, жалевшим детей, была няня Евфимовна. Ради них она была готова жертвовать собой. Так, в доме Брянчаниновых, согласно порядку, заведенному Александром Семеновичем, детей по утрам держали впроголодь. И няня, рискуя подвергнуться барскому гневу, приносила детям ломтики черного хлеба, взятые на кухне якобы для себя. До конца дней своих и святитель Игнатий, и его братья, и сестры вспоминали няню Евфимовну с благодарностью.

Как старший ребенок в семье, Митенька так будущего святителя называли дома, пользовался непререкаемым авторитетом у братьев и сестер. Этому способствовал и его характер. Уже в детские годы он отличался большой серьезностью. Как вспоминал впоследствии его брат Петр Александрович, Митенька никогда не участвовал в общих детских шалостях и никогда, даже в шутку, не лгал. Он был внимателен и приветлив со всеми, старался заботиться о младших и беспрекословно слушался родителей, даже тогда, когда послушание могло сильно ему повредить.

Так, известен случай, когда Митенька вместе с отцом купался в речке и от продолжительного пребывания в воде так замерз, что дрожал всем телом. Но даже в таком состоянии он не посмел выйти из речки прежде отца, и даже не дерзнул испросить у него на то дозволения. Из-за этого Митенька сильно простудился и впоследствии всю жизнь был очень чувствителен к холоду.

Большое внимание в семействе Брянчаниновых уделялось образованию. Ежедневно лихая тройка привозила из Вологды и отвозила обратно лучших учителей семинарии и гимназии. Кроме общеобразовательных наук детям преподавали музыку, живопись, особое внимание уделялось языкам благодаря такому домашнему преподаванию святитель Игнатий в совершенстве овладел французским, немецким, итальянским языками, а также латынью и древнегреческим.

Вообще Митенька отличался и даровитостью, и усердием в учебе. Как старший брат, он помогал и младшим в их учебных занятиях. Помогал он им и советами в житейских делах. Однако самому ему не с кем было посоветоваться, некому открыть душу.

Рано начав размышлять над многими явлениями окружающей его жизни, Митенька не смог найти в родительском доме собеседников, готовых разделить его мысли. Это привело к тому, что он стал стремиться к уединению, проводя много времени на природе. По воспомин-

нениям родственников, «он любил природу какой-то особенной, недетской любовью и находил удовлетворение в общении с нею».

Так в родительском доме прошли первые пятнадцать лет жизни Дмитрия Брянчанинова.

Учеба в Петербурге

В конце лета 1822 года Александр Семенович Брянчанинов повез своего старшего сына в Санкт-Петербург, чтобы определить его в Военное инженерное училище. Дмитрию Брянчанинову в то время шел шестнадцатый год. Впоследствии святитель Игнатий рассказывал, что, когда они проезжали около Шлиссельбурга, Александр Семенович внезапно обратился к сыну с вопросом: «Куда бы ты хотел поступить на службу?» Дмитрий был поражен такой откровенностью отца, решил не скрывать своей сердечной тайны и, испросив обещания не сердиться, если ответ не понравится, решительно сказал, что желает идти в монахи и что из всех видов службы он предпочитает службу Царю Небесному. Однако Александр Семенович не обратил серьезного внимания на слова сына, посчитав такой ответ просто мальчишеством.

Экзамены в Главное инженерное училище Дмитрий выдержал блестяще (при конкурсе более, чем четыре человека на место), он был единственный принят сразу во второй класс.

Благообразная наружность Дмитрия Брянчанинова, серьезность и благородство его манер, а также отличная успеваемость сразу же обратили на него внимание главы инженерного училища, генерал-инспектора, великого князя Николая Павловича будущего императора. Однажды великий князь приказал Брянчанинову явиться в Аничковский дворец, где представил его своей супруге Александре Федоровне, рекомендовав Брянчанинова, как отлично подготовленного не только к наукам, требуемым в инженерном училище, но знающего даже латинский и греческий языки. После этого юнкер Брянчанинов считался пансионером великой княгини Александры Федоровны.

Одновременно с учебой Дмитрий Брянчанинов стал бывать в обществе. Родственные связи и незаурядные способности открыли ему доступ во многие великосветские дома. Он был радушно принят в доме президента Академии Художеств и члена Государственного Совета Алексея Николаевича Оленина, бывая у которого Дмитрий Брянчанинов имел возможность познакомиться со многими знаменитостями того времени.

Но ни учеба, ни возможность вращаться в светском обществе не удовлетворяли юношу, по его собственным словам, «какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыносимая по Боге». Тогда он вновь обращается к вере.

Однако в тогдашнем великосветском Петербурге практически невозможно было сохранить детскую веру – вокруг процветало множество религиозных систем и мистических течений. Как вспоминал он впоследствии, «Ах, в каком тяжком недоумении плавала душа моя! Как томилась ужасно! Какие на нее восставали волны сомнений, рождавшиеся от недоверчивости к себе, от недоверчивости ко всему, что шумело, вопияло вокруг меня, – от незнания, неведения истины».

В это время Дмитрию Брянчанинову приходит мысль, которую он принял за откровение Божие – изучить веру в писаниях святых отцов. Отныне все свое свободное время он посвящает изучению святоотеческих творений.

Духовные искания Дмитрия нашли отклик у его однокурсника Михаила Чихачева, происходившего из дворян Псковской губернии. Несмотря на то, что Чихачев был совершенно иного характера – весельчак и говорун. Их дружба началась с одного поразительного случая. Однажды Дмитрий Брянчанинов прервал веселую болтовню Чихачева, сказав ему: «Будь ты христианином!» На это Михаил Чихачев ответил: «Я никогда не был татаринoм». Но Брянчанинов пояснил свой призыв: «Надо это слово исполнять делом и углубиться поприлежнее в него».

Чихачев не обиделся, напротив, он с радостью принял духовное руководство товарища. С этих пор они оба стали осуществлять жизнь во Христе: вместе они усердно посещают храм, еженедельно стараясь исповедоваться и причаститься. Но их духовный настрой не встретил

понимания у духовника инженерного училища, протоиерея Алексея Малова. Услышав на исповеди, что юнкера томимы многими «греховными помыслами», он заявил училищному начальству, что они имеют противоправительственные «политические замыслы». В результате им обоим – и Брянчанинову, и Чихачеву пришлось повторять свою исповедь перед начальником училища, лютеранином, генералом Сиверсом. Несмотря на то, что внешне эта история закончилась благополучно, Дмитрий Брянчанинов был так потрясен всем происшедшим, что серьезно заболел и слег в постель.

После этого юные подвижники обратились за духовным руководством к монахам Валаамского подворья. Наученные горьким опытом, они тщательно скрывали это и от училищного духовника, и от начальства. Однако в скором времени иноки Валаамского подворья поняли, что они не могут удовлетворить высокие духовные запросы двух юнкеров. Тогда один из монахов, о. Серафим, сказал Дмитрию Брянчанинову: «Дмитрий Александрович, что вы ходите сюда? Здесь вы не успокоите вашей души, а если угодно, есть в Невском монастыре ученики отца Леонида (преподобного Льва Оптинского), старцы опытные, получившие монашеское устройство от учеников старца Паисия Молдаванского (преподобного Паисия Величковского), идите к ним, они вам лучше покажут этот путь».

Действительно, в Александро-Невской Лавре юноши нашли настоящих духовных руководителей: лаврского духовника о. Афанасия, монахов Аарона, Харитона, Иоанникия. Они советовались с этими иноками, как с духовными отцами, обо всем, что касается внутреннего монашеского делания, исповедовали свои помыслы, учились, как охранять себя от страстей, греховных навыков и преткновений, какими руководствоваться книгами из писаний святых отцов и тому подобное. Часто Дмитрий Брянчанинов удивлял подвижников своими вопросами, которые касались таких сторон жизни духовной, какие свидетельствуют о довольно зрелом духовном возрасте.

Но такое духовное благоденствие было недолгим. Дядька Доримедонт, живший в Петербурге при молодых Брянчаниновых, написал Александру Семеновичу о том, что его старший сын Дмитрий стал часто посещать Лавру, отошел от светской жизни и держится монахом. Узнав об этом Брянчанинов-старший понял, что некогда высказанное сыном желание монашества – не мальчишеская прихоть, а серьезное намерение. Александр Семенович решительно воспротивился желаниям сына. Он писал училищному начальству и петербургской родне, прося их отвлечь сына от монашеских идей.

По просьбе Александра Семеновича Брянчанинова, граф Сиверс немедленно принял строгие меры – Дмитрий Брянчанинов был переведен с частной квартиры в казарму инженерного замка, где за ним был установлен строгий надзор.

Одновременно А.М. Сухарева, родственница Брянчаниновых, озаботилась довести до сведения тогдашнего митрополита Петербургского Серафима (Глаголевского), что ее племянник Брянчанинов, любимый императором, свел знакомство с лаврскими иноками, что лаврский духовник

Афанасий склоняет его к монашеству и что если об этом будет узнано при дворе, то и ему, митрополиту, не избежать неприятностей. Митрополит призвал к себе духовника Афанасия и сделал ему строгий выговор, воспретив впредь принимать на исповедь Брянчанинова.

Тогда Дмитрий Брянчанинов вынужден был лично предстать перед Петербургским митрополитом Серафимом. Он выразил искреннее желание стать монахом. Примечательно, что митрополит Серафим, первоначально подозревая в нем только честолюбивые планы, объявил, что Брянчанинов, как не обладающий ученой степенью духовных академий, не может быть возведен в церковной иерархии выше сана архимандрита. На это молодой человек ответил, что ищет не санов, а единственно спасения души, состоящего в бегстве от мира. А митрополит после беседы с юношей позволил ему продолжать общение с монахами Александро-Невской лавры.

А вскоре – 5 августа 1825 года, Дмитрий Брянчанинов, окончив юнкерские классы, был произведен в прапорщика, после этого он смог вновь поселиться на частной квартире и вести аскетический образ жизни.

Военная служба

Получив чин прапорщика, Дмитрий Брянчанинов продолжил учебу в старшем классе инженерного училища. Он был любим императорской семьей, и его ожидало блестящее будущее, но сам он был более чем равнодушен к этому. Как писал он впоследствии: «Охладело сердце к миру, к его служениям, к его великому, к его сладостному».

А весной 1826 года Дмитрий Брянчанинов вновь простудился и тяжело заболел. Помимо училищного врача, лечившего молодого офицера, император Николай I приказал собственным медикам заняться Брянчаниновым и еженедельно сообщать императору о ходе болезни. Врачи подозревали чахотку, они объявили Дмитрию Брянчанинову, что положение очень опасное и что он близок к смерти. Это только усилило его духовный настрой, по-прежнему он много молился, с еще большим усердием изучал святых отцов и частым причащением старался подготовить себя к вечности. Однако, вопреки прогнозам медиков, Дмитрий Брянчанинов выздоровел.

Вскоре после выздоровления его ожидала большая радость. В Петербург приехал о. Леонид. Рассказы об этом старце Брянчанинов часто слышал от иноков Александро-Невской лавры – учеников о. Леонида. Теперь же ему представился случай самому повидаться со знаменитым подвижником. Они встретились в Александро-Невской лавре, где и остановился старец. По просьбе Дмитрия Брянчанинова, о. Леонид долго беседовал с ним наедине. Рассказывая своему другу Михаилу Чихачеву об этой беседе, Дмитрий Александрович говорил: «Сердце вырвал у меня отец Леонид, теперь решено: прошусь в отставку от службы и последую старцу; ему предамся всей душою и буду искать спасения души в уединении».

Но между намерением оставить мир и его исполнением было множество препятствий. Получив летом трехмесячный отпуск для поправки здоровья, Дмитрий Брянчанинов уехал в родовое имение. Там его ждало столкновение с отцом, который, узнав о намерении сына оставить службу и уйти в монахи, был страшно разгневан. Он называл Дмитрия непокорным ослушником и отказывался дать ему свое благословение. Горячо любившая сына мать ничем не могла помочь своему первенцу – она также не понимала его.

Вернувшись в столицу, Дмитрий Александрович блестяще, первым из всего курса, выдержал выпускные экзамены и был произведен в подпоручики. Он тут же подал в отставку. После этого ему пришлось выдержать борьбу уже со своими благодетелями – императором Николаем I и великим князем Михаилом Павловичем, которые также не поняли намерения молодого Брянчанинова и были оскорблены в лучших своих чувствах.

Так, император Николай Павлович, узнав, что лучший из выпускников инженерного училища подал в отставку, вызвал его к себе и уговаривал не оставлять службу. Дмитрий Брянчанинов поблагодарил императора, но остался непреклонен. Служение Царю Небесному было для него выше, чем служба царю земному. Тогда император поручил своему брату, великому князю Михаилу Павловичу, любыми средствами склонить Брянчанинова остаться на службе.

В первых числах января 1827 года Дмитрий Брянчанинов был вызван во дворец к великому князю. Там было собрано все высшее начальство инженерного училища. Великий князь сообщил ему, что император, зная его способности к службе, вместо отставки намерен перевести его в гвардию и дать такое положение, которое удовлетворит и самолюбию, и честолюбию. В ответ Дмитрий Брянчанинов сказал, что, не имея достаточных денежных средств, он не может служить в гвардии. «Заботы об этом государь изволит принять на себя», – сказал ему великий князь. – «Расстроенное мое здоровье, – вновь возразил Брянчанинов, – о чем известно его величеству из донесений лечивших меня медиков, поставляет меня в совершенную невозможность нести труды служебные и, предвидя скорую смерть, я должен позаботиться о приготовлении себя к вечности, для чего и избираю монашеское звание». Тогда великий

князь заметил, что он может получить службу в южном климате России и что гораздо почетнее спасать душу свою, оставаясь в мире. Брянчанинов отвечал: «Остаться в мире и желать спастись – это, ваше высочество, все равно, что стоять в огне и желать не сгореть».

Видя, что уговоры ни к чему не приводят, великий князь Михаил Павлович разгневался. Он начал кричать на Дмитрия Брянчанинова, называя его ослушником высочайшей воли, причем очевидцы утверждали, что великий князь сказал: «Ты хочешь молиться, ну мы тебе дадим». От такого крика Брянчанинов побледнел. Заметив это, великий князь успокоился и спросил: «Ну, что? Испугался? Отказываешься от монашества?» – «Напротив, ваше высочество, – почтительно, но твердо ответил Брянчанинов. – Прошу оказать мне милость – уволить меня от службы». Великий князь решительно возразил ему, так как он остается непреклонен в своем упорстве, то объявляется ему высочайшая воля: государь император отказывает ему в увольнении от службы и делает ему лишь ту милость, что предоставляет самому избрать крепость, в которую он должен быть послан на службу.

Но Брянчанинов отказался, сказав: «Позвольте мне, ваше высочество, начать мое монашество отречением от своей воли в этом избрании, предоставляя мне исполнить приказание». Тогда великий князь обратился к графу Оперману, своему помощнику по званию генерал-инспектора инженеров; тот указал на Динабург. Великий князь одобрил указание, и в тот же вечер состоялось назначение Брянчанинова в Динабургскую инженерную команду, с приказанием в 24 часа выехать из Петербурга к месту службы. Одновременно начальнику Динабургской крепости, генерал-майору Клименко, было предписано строго следить за поведением Брянчанинова и не позволять ему уклоняться в духовную жизнь.

В Динабургской крепости Дмитрию Брянчанинову было поручено следить за земляными работами. Но так как он часто болел, сослуживцы, оценившие и характер молодого офицера, и двусмысленное положение, в котором он оказался, помогли ему.

Отставка. Начало послушничества

Долгожданное освобождение от службы пришло совершенно внезапно. Осенью 1827 года великий князь Михаил Павлович посетил Динабургскую крепость. Дмитрий Брянчанинов вновь подал прошение об отставке. В качестве причины отставки называлась неизлечимая болезненность – подтвердить это могли на сей раз не только медики, но и сослуживцы Брянчанинова.

В конце концов, убедившись в непреклонности молодого офицера, великий князь вынужден был принять его прошение. При этом адъютант великого князя передал Брянчанинову такие слова своего благодетеля: «Хотя для него (Брянчанинова) и готовилось видное и полезное в государстве место, но так как нет закона насильно держать кого-либо на службе, то его увольняют». 6 ноября 1827 года последовал «Высочайший приказ об отставке Дмитрия Александровича Брянчанинова».

Получив отставку, Дмитрий Брянчанинов тут же направился к старцу Леониду, который в то время вместе с учениками подвизался в Александро-Свирском монастыре. Вот как впоследствии он описывал свои чувства при вступлении в монастырь: «Вступил я в монастырь, как кидается изумленный, закрыв глаза и отложив размышления, в огонь или пучину, как кидается воин, увлеченный сердцем, в сечу кровавую на явную смерть. Звезда, руководительница моя, мысль благая, пришла светить мне в уединении, в тишине, или, правильнее, во мраке, в бурях монастырских».

Тем временем, всем стало известно, что блестящий выпускник инженерного училища все-таки осуществил свою мечту и, бросив службу и карьеру, ушел в монастырь. Его родные и знакомые были шокированы его поступком. Отец, оскорбленный до глубины души непослушанием первенца, наотрез отказал ему в денежном содержании. Однако сам Дмитрий Брянчанинов воспринял это лишь как исполнение заповеди о нестяжании.

В Александро-Свирской обители, по благословению настоятеля – архимандрита Варсонофия и старца Леонида, новый послушник сразу же был облачен в подрясник. С того времени и до конца своих дней он больше не расставался с этой одеждой.

Как и всякому новонаначальному послушнику, Дмитрию Брянчанинову было назначено послушание при поварне. Поваром был бывший крепостной Александра Семеновича Брянчанинова. В первый же день нужно было идти в амбар за мукой. Повар сказал ему: «Ну-ка, брат, пойдем за мукой!» – и бросил ему мучной мешок, так что его всего обдало белой пылью. Новый послушник взял мешок и пошел. В амбаре, растянув мешок обеими руками и, по приказанию повара, прихватив зубами, чтоб удобнее было всыпать муку, он ощутил в сердце новое, странное духовное движение, какого еще не испытывал никогда: собственное смиренное поведение, полное забвение своего «я» так усладили его тогда, что он во всю жизнь вспоминал этот случай.

Затем в числе прочих послушников он назначен был тянуть рыболовный невод в озере Свирского монастыря. Раз как-то невод запутался в глубине. Монах, заведовавший ловлей, зная, что Брянчанинов хорошо умел плавать и долго мог держаться под водой, послал его распутать невод. Несмотря на сильный осенний холод, Дмитрий Александрович беспрекословно исполнил приказание, которое отозвалось крайне зловредно на его слабом здоровье – он сильно простудился.

После этого он был назначен на послушание в трапезной. Проходя это послушание, Дмитрий Брянчанинов однажды ставил блюдо на стол, за которым сидели послушники, и мысленно произнес: «Примите от меня, рабы Божии, это убогое служение». При этом он вдруг почувствовал в сердце необыкновенное молитвенное действие, так что он даже пошатнулся. В его грудь запало сладостное утешение, которое не покидало его более двадцати дней (святитель описал этот случай в «Аскетических опытах», приписывая его другому лицу).

Подобные случаи послушания и смирения сделали то, что вся монастырская братия стала с явным уважением относиться к Брянчанинову, отдавая ему предпочтение перед прочими, чем он очень тяготился, потому что, живя в среде монастырского братства, он даже старался скрывать свое происхождение и образование, радуясь, когда незнавшие считали его за недоучившегося семинариста.

В плане же собственно монашеского делания Брянчанинов со всей искренностью отдал себя духовному руководству старца Леонида, по подобию древнего послушничества, ежедневно исповедовал ему все движения внутренней жизни, не предпринимал ни одного действия без благословения старца, проходил налагаемые на него испытания, иногда очень тяжелые. Такой крайне смиряющий образ руководства был пред принят отцом Леонидом в отношении ученика своего, молодого офицера Брянчанинова, без сомнения, для того, чтобы победить в нем всякое высокоумие и самомнение, которые обыкновенно присущи каждому образованному человеку, вступающему в среду простецов. Старец посту пал, как нелицемерный наставник, в духе истинного монашества, по примерам святых отцов; он постоянно подвергал своего ученика испытаниям, и такие опыты смирения не мог ли не нравиться послушнику, с искренней любовью к Богу предавшемуся иноческим подвигам.

В Александро-Свирском монастыре послушник Дмитрий Брянчанинов провел около года. Затем на общем совете старца Леонида с учениками было решено перебраться в Площанскую пустынь Орловской епархии. Площанская пустынь, куда переселялся о. Леонид с учениками, отличалась строгостью устава и продолжительным богослужением, но была весьма многочисленна – в ней было около двухсот человек братии.

Скитания по обителям

По дороге в Площанскую пустынь Дмитрий Брянчанинов навестил в Петербурге Михаила Чихачева. Здесь в откровенной беседе он признался другу, что «руководство старца Леонида не вполне его удовлетворяет, ибо старец не может решить всех его недоумений, которые приходится по большей части решать самому». Предполагают, что здесь в данном случае речь шла о том, что о. Леонид не благословлял своим ученикам заниматься Иисусовой молитвой, а Дмитрий Брянчанинов стремился именно к этому.

Уезжая в Площанскую пустынь, Брянчанинов выразил надежду, что его друг сможет подвизаться вместе с ним. Действительно, вскоре Михаил Чихачев смог получить отставку и стать послушником в Площанской пустыни.

Присутствие друга и сомолитвенника немного утешило Дмитрия Брянчанинова. Однако и на новом месте духовные проблемы со старцем никуда не ушли, но со временем лишь усугубились. К тому же, число учеников старца умножилось, и собрания их стали сопровождаться некоторой молвой и рассеянностью. Лишние разговоры и пересуды в среде учеников отзывались в душе Дмитрия Брянчанинова тягостно.

Желая найти выход из создавшегося положения, друзья просили о. Леонида благословить их на жительство в скиту отдельно от других учеников старца. Но старец поначалу отказался дать такое благословение. Это так огорчило Брянчанинова, что он заболел.

Во время болезни «в тонкой и самой малой дремоте» было ему видение, о котором впоследствии так рассказывал его друг Чихачев: «Виделся ему светлый крест во весь его рост, и какая-то таинственная евангельская надпись на кресте. Над крестом были ветви и длани Христа Спасителя; при кресте стоял он сам и друг его, и был к нему голос от креста: «Знаешь ли ты, что значат слова, написанные на кресте?» – «Нет, Господи, не знаю» – «Это значит, – продолжал невидимый голос, – искреннее отречение от мира и всего земного. А знаешь ли, почему ветви и длани Христа Спасителя наклонены на ту сторону (на которой в видении стоял его друг Чихачев)?» – «И этого не знаю, Господи», – сказал он. Тогда голос отвечал ему ясно и значительно: «Это значит, что и он должен участвовать в твоих страданиях»». Сразу же после видения болезнь оставила Дмитрия Брянчанинова, он почувствовал небывалую бодрость и крепость телесную.

Когда о видении узнал о. Леонид, он благословил друзей поселиться отдельно от других. Но после этого он уже не считал их своими духовными чадами и рекомендовал им исповедоваться у братского духовника, а к нему обращаться только в особых случаях.

Некоторое время друзья жили вполне подвижнической жизнью: они держались уединения, избегали многолюдства, хранили себя всячески от вредных для безмолвия впечатлений окружающей среды, избегали ненужных встреч и лишних знакомств, чтобы держать себя в строгом молчании и хранении ума. Отдельное помещение в монастырском саду, вне всяких сообщений, доставляло им желанный покой: молодые подвижники радовались своему отшельничеству. Так провели они зиму 1829 года.

Но неожиданно их спокойная жизнь закончилась. В Площанскую пустынь был назначен новый настоятель – иеромонах Маркелл. Он не одобрял деятельности о. Леонида и сразу же потребовал, чтобы старец с учениками покинул обитель. О. Леонид переехал в Оптину пустынь. Брянчанинов и Чихачев хотели остаться в обители, так как они вышли из-под руководства о. Леонида. Однако новый настоятель не захотел ничего слушать, он потребовал, чтобы и они покинули Площанскую пустынь. Волей-неволей вынуждены были они искать себе новое пристанище.

Первоначально они направились в Белобережскую Иоанно-Предтеченскую пустынь, но там их не приняли. Были они и в Свенском монастыре, где в то время подвизался в затворе

иеромонах Афанасий, один из учеников старца Паисия Величковского. Дмитрий Брянчанинов посетил затворника и беседовал с ним о благотворности плача, о чем вспоминает в своих «Аскетических опытах», приводя слова затворника, глубоко запавшие в его душу: «В тот день, в который я не плачу о себе как о погибшем, считаю себя в самообольщении».

Скитания привели их в Оптину пустынь, где в то время был о. Леонид с учениками. Не без сомнения настоятель Оптиной, преподобный Моисей, согласился принять послушников, ранее отделившихся от своего старца. Как показали последующие события, они действительно не смогли ужиться в Оптиной пустыни.

Настоятель смотрел на них неблагосклонно, братия относилась не совсем доверчиво. Пришлось перенести много скорбей при уединенном образе жизни; сама пища монастырская, приправленная постным маслом плохого качества, вредно действовала на слабый и болезненный организм Дмитрия Брянчанинова. Тогда они решили сами для себя изготавливать пищу: с большим трудом выпрашивали они круп или картофеля и варили похлебку в своей келье, но жом служил им топор; готовил пищу Чихачев. Такая трудная и неблагоприятная обстановка, конечно, не могла долго продолжаться: изнурительная слабость телесных сил была последствием ее для того и другого. Сперва пострадал от нее Дмитрий Брянчанинов, настолько, что не мог держаться на ногах; за ним ухаживал Чихачев, который был крепче его, но вскоре и он свалился от лихорадки. Тогда за больным товарищем ухаживал Брянчанинов; но тут же сам падал от полного изнеможения.

В это время тяжело заболела Софья Афанасьевна Брянчанинова. Она уже давно простила в душе поступок своего сына, но не смела говорить об этом при муже. Лишь во время болезни она высказала желание повидаться с любимым сыном. Болезнь жены и ее желание видеть сына, а также известие о том, что их сын сам тяжело болен, смягчило Александра Семеновича. Он написал сыну письмо, в котором просил его приехать домой для свидания с больной матерью. При этом он писал, что не будет препятствовать его намерениям. Вместе с письмом Александр Семенович прислал и крытую бричку.

Узнав о болезни матери и, понимая, что в Оптиной пустыни им не ужиться, Дмитрий Брянчанинов решил ехать в родительский дом. Он отправился вместе с больным товарищем своим Чихачевым, так как Александр Семенович был столь внимателен, что не забыл пригласить и того.

Приехав в Покровское, молодые люди расположились в отдельном флигеле с намерением продолжать свои иноческие подвиги, обращаясь за духовными потребностями к местному сельскому священнику, считая свое пребывание здесь только временным, тем паче что ко времени их приезда Софья Афанасьевна почти поправилась. Она полностью примирилась со своим первенцем, хотя и не потеряла надежды на то, что он останется в миру. Еще больше думал об этом Александр Семенович. Несмотря на обещание, данное в письме, он стал требовать, чтобы сын возвратился на службу.

Все это очень тяготило и Дмитрия Брянчанинова, и Михаила Чихачева, и после двух месяцев, проведенных в Покровском, они, вновь оставив все, направились в Кирилло-Новоозерский монастырь. В это время там жил на покое архимандрит Феофан, знаменитый своей святою жизнью и примерным управлением обителью, а настоятелем был игумен Аркадий, его присный ученик и подражатель. Отец Аркадий отличался простотою нрава; он провидел в двух молодых пришельцах дух истинного монашества и с любовью принял их в свою обитель.

Но недолго радовались друзья новому месту жительства. Обитель эта расположена на острове среди большого озера, монастырские стены стоят на сваях, вбитых в дно, и потому здешний климат оказался слишком сырým. Физическое здоровье Брянчанинова подводило его все чаще и чаще. Проболев три месяца лихорадкой, он окончательно слег, так что у него стали опухать ноги. Это заставило его вернуться в Вологду.

В Вологде Дмитрий Брянчанинов остановился у своих родных и стал лечиться от мучившей его лихорадки. Чихачев, также пострадавший от климата Новоозерской обители, отправился в Никандрову пустынь, в тридцати верстах от которой был его родительский дом.

Монашеский постриг

Как раз в это время на Дмитрия Брянчанинова обратил внимание Вологодский архиепископ Стефан. Сочувствуя неприкаянности молодого послушника и не понаслышке зная о его тяжелых семейных обстоятельствах, Владыка благословил ему поселиться в Семигородской Успенской обители. Местность этой обители благоприятствовала восстановлению его здоровья; он с новою ревностью предался своим обычным духовным занятиям: богомыслию и молитве в тишине келейного уединения. Подвизаясь там, он сблизился с инспектором Вологодской семинарии – иеромонахом Софронием. Там он написал свое первое духовное сочинение «Плач мой».

Но из-за близости к родительскому дому Дмитрию Брянчанинову и в Семигородской обители не было покоя. Время от времени навещая сына, Александр Семенович требовал, чтобы сын вернулся к мирской жизни и поступил на государственную службу. Тогда Дмитрий Брянчанинов обратился за помощью к Владыке Стефану. Он просил архиерея, во-первых, перевести его в более отдаленную обитель, а во-вторых, постричь в монашество.

Владыка выполнил его просьбу: 20 февраля 1831 года он был переведен в более уединенный, пустынный Глушицкий Дионисиев монастырь, где и зачислен послушником. Но и в Глушицком монастыре отец не оставил его в покое. Тогда, вопреки существовавшим тогда правилам, архиепископ Стефан подает в Святейший Синод прошение о немедленном пострижении послушника Брянчанинова. Получив разрешение Священного Синода, он вызвал Дмитрия Брянчанинова из Глушицкого монастыря в Вологду и велел готовиться к пострижению; вместе с тем он приказал ему хранить это в тайне от родных и знакомых. Это было очень неудобно, так как готовящийся к пострижению вынужден был остановиться на постоялом дворе и среди мирской суеты приготавливаться к великому обряду.

28 июня 1831 года преосвященный Стефан постриг Брянчанинова в монашество в кафедральном Воскресенском соборе и нарек Игнатием, в честь священномученика Игнатия Богоносца. Родные Брянчанинова, прибывшие 28 июня в собор к богослужению, были крайне изумлены всем увиденным. После пострига Владыка Стефан не отпустил инока Игнатия в обитель.

Родители новопостриженного с неудовольствием отнеслись к этому событию, особенно Александр Семенович был поражен им; его воля, на которой он так упорно настаивал, не состоялась: все планы относительно светской карьеры сына рушились, мечты о его блестящей будущности исчезли. Сын в глазах отца сделался бесполезным членом общества, утратившим все, что отец доставил ему воспитанием. Софья Афанасьевна благосклоннее смотрела на поступок сына, но духовная сторона была также чужда ей, и она сожалела о том, что сын так нелепо распорядился своей жизнью. Из-за таких отношений с родителями инок Игнатий после пострига вынужден был поселиться в загородном доме своего дяди и крестного отца Дмитрия Ивановича Самарина и принять денежную помощь от одной из своих родственниц – Воейковой.

4 июля того же года инок Игнатий был рукоположен преосвященным Стефаном в иеродиакона. Его дьяконское служение проходило под руководством известного своим благочестием дьякона Александра Воскресенского.

25-го числа того же месяца иеродьякон Игнатий был рукоположен во иеромонаха и оставлен при архиерейском доме, который в Вологде находится при кафедральном соборе, в одной с ним ограде. Для обучения священнослужению о. Игнатий был приставлен к городской церкви Спаса Обыденного под руководство священника Василия Нордова, впоследствии протоиерея и настоятеля Вологодского кафедрального собора. Вот что писал об этом времени сам святитель Игнатий: «Совершилось! Я пострижен и посвящен во иеромонаха. Когда меня постригали, казалось мне, что я умер; когда посвятили, казалось – воскрес. Живу какой-то новою жизнью, весьма спокоен, не тревожит меня никакое желание, во время каждой обедни ощущаю, что

достиг конца желаний, что получил более, нежели сколько бы мне пожелать. Не хочу описывать вам наружных обстоятельств, сопровождающих мое пострижение и посвящение, предполагаю, другие расскажут. Сказываю всем о себе то, что другие о мне знать и сказать не могут: я счастлив!»

Однако пребывание в Вологде заставляло его часто возвращаться в круг родных и знакомых: многие из них стали его посещать и требовали от него взаимных посещений к себе. Молодой и привлекательный, он интересовал все вологодское общество, все о нем говорили, все желали сблизиться с ним. Это необходимо вовлекало его в мирскую рассеянность и прямо противоречило тем обетам, какие он только что произнес. Поняв, что пребывание в Вологде становится для него душевредным, он стал просить покровителя своего, преосвященного Стефана, отпустить его в Глушицкий монастырь. Но Владыка решил повременить с этим, намереваясь дать ему место, соответственное его способностям.

Служение в Вологодской епархии

В конце 1831 года скончался строитель Пельшемского Лопотова монастыря, иеромонах Иосиф. Обряд погребения поручено было совершить иеромонаху Игнатию. 6 января 1832 года он был назначен на место умершего, а 14-го ему было дано звание строителя. Лопотов монастырь, основанный преподобным Григорием Пельшемским, расположен в сорока верстах от Вологды, на берегу реки Пельшмы, впадающей в Сухону, в местности лесной и болотистой. Монастырь был почти в разрушенном состоянии, так что предполагалось его упразднить: церковь и прочие здания крайне обветшали, доходы были скудные, недостаток в самом необходимом.

Новый настоятель принялся за дело с энергией. К нему сразу же собрались послушники, знавшие его еще до принятия им пострига. В нем уже чувствовалась духовную опору и подлинную монашескую прочность. И, действительно, с приходом нового настоятеля богослужение в Лопотовом монастыре сразу же было приведено в надлежащий порядок. В этом ему очень помог его друг Михаил Чихачев, который, узнав о том, что его товарищ назначен строителем Лопотова монастыря, сразу же оставил все и приехал к о. Игнатию. Чихачев обладал отличным голосом, знал хорошо церковное пение и составил очень хороший монастырский хор, который немало содействовал к привлечению в обитель многих богомольцев. Строитель Игнатий постриг своего друга в рясофор и руководил в духовной жизни.

К тому же от своего отца иеромонах Игнатий унаследовал прекрасные хозяйственные способности, которые помогли ему в короткий срок значительно улучшить материальное состояние обители. Вскоре потекли пожертвования от жителей Вологды, видевших в новом настоятеле Лопотова монастыря и хозяйственника, и духовника. Благодаря этим пожертвованиям в обители были отремонтированы старые здания и построены новые, тут ему пригодилась учеба в Главном инженерном училище. Вскоре обитель и внешне, и внутренне обновилась, стала просто неузнаваема.

Благая деятельность святителя в возвышении нравов насельников Лопотова монастыря была засвидетельствована свыше. Благочестивый крестьянин Карп, проживавший рядом в поселке, увидел в видении, как некоторые иноки Лопотова монастыря (те, что были в монастыре еще до прихода святителя), стоя в водах реки Пельшмы, жаловались преподобному Григорию Пельшемскому, что новый игумен Игнатий делает им притеснения: в церковь не велит ходить с заплетенными волосами, на клиросе запрещает нюхать табак, не велит носить красных кушаков, запрещает ходить по деревням и прочее, тому подобное. Преподобный Григорий, обратившись к Карпу, сказал: «Ты слышишь их жалобы, могу ли их послушать? Настоятель делает как надо и, если пребудет в заповедях Божиих до конца, причтен будет с нами».

Слава о деятельности молодого строителя Лопотова монастыря дошла и до его родителей. Даже Александр Семенович Брянчанинов смягчился, надеясь если не на светскую, то на духовную карьеру и славу сына. Благодаря этому строитель Игнатий стал часто бывать в доме родителей. Но в основном он общался с матерью, которая часто болела и нуждалась в утешении. Вскоре, напутствованная молитвами священноинока – своего сына, Софья Афанасьевна скончалась 25 июля 1832 года. За несколько минут до смерти она произнесла: «Теперь, в этот час, у меня одно утешение: мой старший сын – в монастыре». Иеромонах Игнатий сам совершил отпевание в храме села Покровского.

Менее чем через два года после назначения о. Игнатия строителем Лопотова монастыря честолюбивые надежды отца его начали сбываться. Владыка Вологодский Стефан, видя неутомимые труды строителя Игнатия по возобновлению и благоустройству Лопотовой обители, возвел его в сан игумена 28 мая 1833 года.

Но болотистая местность Лопотова монастыря уносила последние силы игумена Игнатия и наконец совсем расстроила его здоровье. Чихачев, переживая за своего друга и настоятеля и не видя никакого другого выхода, предложил ему свою мысль – переселиться из Лопотова монастыря куда-либо в другое место.

Перевод в Сергиеву Пустынь

Получив благословение настоятеля, Михаил Чихачев направился в Петербург, к графине Анне Алексеевне Орловой-Чесменской. Графиня радушно приняла Чихачева, дала помещение в своем доме, снабдила всем нужным и деятельно стала хлопотать о перемещении игумена Игнатия из Лопотова монастыря. Она же посоветовала ему представиться Московскому митрополиту святителю Филарету, который тогда находился в Петербурге.

Святитель Филарет принял Чихачева на Троицком подворье и сказал: «Мне не безызвестны жизнь и качества игумена Игнатия». Московский митрополит готов был предложить игумену Игнатию место настоятеля в Николо-Угрешском третьем классном монастыре. Чихачев поблагодарил Владыку Филарета и сказал, что игумену Игнатию неудобно будет самому проситься из вологодской епархии, так как он пострижен лично вологодским архиереем, который может оскорбиться таким поступком своего постриженца. «Хорошо, – сказал митрополит, – я сделаю предложение об этом в Синоде и надеюсь, что мне не откажут». На другой день был послан из Синода указ в Вологду к преосвященному Стефану о перемещении игумена Лопотова монастыря Игнатия в Николо-Угрешский монастырь, куда, по сдаче своего монастыря, и предписывалось его немедленно отправить.

Вопреки опасениям, владыка Стефан доброжелательно отнесся к этому событию. Напутствовав игумена Игнатия своим благословением на новое служебное место, он сделал следующий отзыв о нем в своем отношении к митрополиту Московскому от 28 ноября 1833 года: «Игумен Игнатий, по пострижении в 1831 году, по указу Святейшего Правительствующего Синода, в монашество, состоя в числе братии третьеклассного Глушицкого монастыря, похвальными своими качествами и образованностью своей в науках всегда обращал на себя особое мое внимание, почему взят был в вологодский архиерейский дом и, по рукоположении во иеродиакона, а потом в иеромонаха, употребляем был для соборного священнослужения, где более и более замечая в нем отличные способности, украшаемые похвальным поведением, в 1832 году января 6, я определил его, Игнатия, на место умершего в Лопотове монастыре строителя иеромонаха Иосифа – строителем, и он, будучи в сей новой, возложенной на него должности, образом примерной своей жизни, учреждением в монастыре порядка, согласно правилам и уставам монастырским, точным наблюдением должного в монастыре благоприличия, обращая на себя от публики особенное внимание, успел возродить в почитателях святой обители усердие и тем достиг возможности Лопотов монастырь, пришедший уже в совершенный упадок и расстройство, привести ныне в короткое время в наилучшее состояние, как то: 1) заведением многоценных серебряных святых сосудов, Евангелия, и облачений, и многих других, для благолепия церковного служащих вещей, и 2) устройением настоятельских и братских келий, а потом поправкою многих ветхих монастырских строений, каковая его, Игнатия, полезная для обители святой служба, а притом и отзывы публики о похвальных его качествах убедили меня сего года мая 28-го дня, для поощрения его к дальнейшей таковой же службе, произвести в игумена, с оставлением в том же заштатном Лопотове монастыре настоятелем, о каковой его, игумена Игнатия, отлично-похвальной службе за нужное почел довести при сем до сведения Вашего Высоко преосвященства».

Неожиданно слухи об этом деле дошли до императора. Вспомнив любимого воспитанника инженерного училища, он приказал митрополиту Московскому вызвать игумена Игнатия не в Москву, а в Петербург. Святитель Филарет, исполняя волю императора, официальным письмом от 15 ноября 1833 года на имя вологодского Владыки Стефана просил его как можно скорее отправить игумена Игнатия прямо в Петербург, а частным письмом своим к игумену Игнатию требовал, чтобы он, нисколько не медля, прибыл к нему в Петербург на Троицкое

подворье. «Это распоряжение должно быть исполнено безотлагательно, – писал Московский владыка, – потому что это воля не моя».

27 ноября игумен Игнатий сдал Лопотов монастырь своему казначею, а 30 ноября выехал в Петербург. Приехав в столицу, игумен Игнатий немедленно отправился к митрополиту Филарету, который приютил его на своем Троицком подворье.

Через несколько дней состоялась его встреча с императором Николаем I. Вот как сам святитель Игнатий описывал ее: «12 числа сего месяца, вечером в шесть часов представлялся я государю императору наедине в его кабинете. Трогательно было и интересно сие представление. Государь обнял меня, я его; он повторял: «Друг мой! Друг мой!» – я кричал: «Отец мой! Отец мой!» Изволил подробно расспрашивать о обстоятельствах моей жизни в монашестве... Наконец, объявил мне свою волю, чтобы я оставался близ Петербурга в Сергиевой пустыни. При этом государь сказал: «Ты мне нравишься, как и прежде! Ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь, – на нем ты и уплати мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтоб ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей». Затем император повел игумена на половину к императрице Александре Федоровне. Войдя к ней, спросил ее: «Узнает ли она этого монаха?» На отрицательный ответ он назвал игумена по фамилии. Она очень милостиво отнеслась к своему бывшему пансионеру и просила благословить всех ее детей.

Вскоре – 1 января 1834 года, в Казанском соборе, игумена Игнатия возвели в сан архимандрита – ему было неполных 27 лет. А 5 января архимандрит Игнатий выехал в свою обитель в сопровождении Чихачева и только что принятого в келейники юноши Иоанна Малышева, который впоследствии, через двадцать три года, сделался преемником своего старца.

Начало настоятельства в Сергиевой пустыни

Желание о. Игнатия переселиться из Лопотова монастыря имело в основании чисто физическую причину. Его болезненному организму нужен был климат если не южный, то, по крайней мере, сухой, а не болотистый. Местность Сергиевой пустыни в климатическом отношении был даже хуже, чем Лопотов монастырь. Береговая сторона Финского залива, волны которого разливаются в виду самой обители, никак не могла служить к восстановлению физических сил.

К столетию своего существования Сергиева пустынь была совершенно запущенной, как в духовном, так и в материальном отношении. Вот как сам святитель Игнатий писал о вверенной ему обители: «Непостижимыми судьбами Промысла я помещен в ту обитель, соседнюю северной столице, которую, когда жил в столице, не хотел даже видеть, считая ее по всему несоответствующею моим целям духовным».

К моменту назначения архимандрита Игнатия настоятелем Сергиевой пустыни здания монастырские, начиная с церкви преподобного Сергия, были давно запущены. Из-за разрухи келейных корпусов вся братия помещалась в инвалидном доме, устроенном при монастыре на иждивение графов Зубовых и состоящем на их содержании. В Троице-Сергиевой пустыни не было никакого монастырского хозяйства и даже земля, на которой был расположен монастырь, не имела ни одного межевого столба. Не лучше обстояло дело и с вверенной архимандриту монастырской братией – все братство обители состояло из тринадцати человек: восьми монашествующих, трех послушников и двух подначальных. И несмотря на такое незначительное число братии, в среде их не было порядка.

Молодому настоятелю предстояло сделать многое. Нужно было возродить духовную жизнь, упорядочить материальную сторону обители и восстановить внешний и внутренний порядок. Как и в Лопотовом монастыре, архимандрит Игнатий начал возрождение обители

с упорядочения богослужения. Он сам старался подавать братии пример чинного и уставного совершения служб. При содействии Михаила Чихачева в Троице-Сергиевой пустыни был устроен монастырский хор. К устройению богослужебного пения святитель Игнатий привлек также лучших композиторов своего времени: о. Петра Турчанинова, М.М. Глинку, А.Ф. Львова.

Поскольку для торжественного совершения богослужений необходим благоустроенный храм, то о. Игнатию практически сразу после вступление в должность настоятеля пришлось озаботиться ремонтом храма в честь преподобного Сергия, в котором оказались годными только одни стены. После ремонта храма также были отремонтированы келейные корпуса.

Вместе с необходимыми постройками и учреждением порядков внутри обители настоятель архимандрит Игнатий должен был обратить свою деятельность и на другие отрасли ее благоустройства, именно, на поземельную собственность и сельское хозяйство. Как оказалось, всю землю, которая была приобретена еще основателем пустыни, пользовались незаконно крестьяне деревни Подмонастырской слободы, монастырь же имел лишь 25,5 десятин, занимаемых огородом и покосом, и хлопоты монастыря о восстановлении его прав на эту землю, несмотря на неоспоримость его документов, остались безуспешными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.